Ты ведь очень нуждаешься в моем Феромоне, верно? Не терпится переехать ко мне, чтобы делить одну крышу и делить трапезу. — Отто усмехнулся, и та малая доля тепла, что вчера проснулась в нем из-за жалости или вспыхнувшего чувства собственности, давно рассеялась без следа, а слова резали словно ножи: — Разве ты не попросишь меня об этом?

Он издевательски протянул:

— Дай мне… дай мне немного Феромона. Вот так и скажи.

Сэмуэл сделал широкий шаг вперед, вцепился в волосы Отто и резко дернул назад. Должно быть, было больно, но Отто лишь залился злорадным смехом — он больше всего на свете ненавидел эту вечно ледяную, неспособную растаять маску на лице Сэмуэла, который даже в минуты страсти держал себя в руках.

И теперь, увидев вчера совершенно другую сторону этого человека, он захотел содрать с него эту напускную кроткую шкуру еще сильнее!

— Не перегибай палку, — Сэмуэл сжал зубы, глядя на него, и лавандовый Феромон бесшумно превратился в тончайшие фиолетовые иглы. — У нас здесь сделка. Ты нужен мне, но разве сейчас ты не просто узник?

Он не собирался сдавать позиции и парировал в ответ:

— И то верно, трудно приходится тому, кто, волоча за собой тело после тяжелых ранений, ухитряется разнести в щепки двери Водной темницы.

Сэмуэл с силой оттолкнул русалку, увеличивая расстояние между ними, быстро выровнял дыхание, достал из пояса ампулу с Ингибитором и без колебаний вонзил себе в шею.

Ингибитор оставила ему Шарлотта на случай непредвиденных обстоятельств, но сейчас он и впрямь не желал находиться в одном пространстве с этим Отто.

Раньше Сэмуэл всегда пропускал мимо ушей любые унижения со стороны Отто, но почему-то сегодня не смог остаться столь же невозмутимым.

Наверное, потому что вчера он случайно показал Отто ту сторону себя, которую никогда никому не открывал.

Уязвимую, невероятно зависимую — и он ненавидел себя за это.

— Посиди-ка здесь и насладись моим прощальным подарком. — Ингибитор мгновенно разошелся по всему телу, и Сэмуэл, бросив холодный взгляд, пнул рыбный скелет прямо в

бассейн.

Дверь отворилась и закрылась. Сэмуэл захлопнул ее и, лишь когда сжатые в кулаки руки наконец немного расслабились, зашагал в сторону тренировочного лагеря элитных рыцарей Харри.

— Уильям, твоя стрельба из лука — просто дерьмо.

Сэмуэл посмотрел на живую мишень неподалеку, его лицо было бесстрастным, но нельзя было не заметить тяжелую ауру, окутывавшую его со всех сторон.

— Твой уровень — это предел? Любой избалованный омега, которого найдешь на улице, стреляет точнее тебя.

— Простите, простите. — Уильям от страха вытянулся в струнку, но от нервозности стал стрелять только хуже. На этот раз стрела вообще не попала в мишень, рухнув прямо на землю, словно звучная пощечина, хлестнувшая его по лицу.

Сэмуэл ничего не сказал, его взгляд упал на эту стрелу — очевидно, в душе он уже записал Уильяма в безнадежные бездарности.

Он был раздражен и взвинчен, у него больше не было настроения за этим наблюдать, и он позвал заместителя командира Джорджа:

— Подтяни его стрельбу.

Джордж присел на одно колено и почтительно ответил:

— Слушаюсь.

Сэмуэл удалился. Его высокие сапоги оставляли шуршащий след на траве, и лишь когда он отошел далеко, Уильям и Джордж переглянулись.

Лицо Уильяма покраснело до предела:

— Герцог сегодня ужасно зол.

Джордж как раз поправлял мишень для него, а услышав это, развел руками:

— Альфа, к тому же признанный сильнейший альфа Империи Лайт, вынужден полагаться на Феромон другого альфы, чтобы благополучно забеременеть. Как он может с этим смириться?

Он немного задумался:

— Честно говоря, я никак не ожил, что ради разрушения проклятия он способен пойти на такие жертвы.

Уильям вовремя изобразил на лице недоумение.

Джордж на этом умолк, оборвав фразу на полуслове. Видимо, вспомнив о каком-то прошлом, его улыбка застыла, он чуть покачал головой и произнес:

— Продолжаем. — Он протянул Уильяму новый колчан со стрелами.

Отто считал, что проявляет к Сэмуэлу излишнюю привязанность.

Он уже сбился со счета, в который раз бросает взгляд на Сэмуэла, и лишь когда тот в недоумении поворачивался к нему, делал вид, что его интересует совсем другое, и равнодушно отводил глаза.

На переносице Сэмуэла красовались золотые очки, а тонкие металлические цепочки покачивались у его висков, придавая ему утонченный и элегантный вид; в каждом его движении угадывалось истинное благородство.

Очаровательно.

Сердце нетерпеливо колотилось о ребра, и Отто приходилось признать очевидное: такой Сэмуэл обладал для него невероятно мощной притягательной силой.

И то, что объектом его влечения оказался простой человек, в эту минуту вызывало у Отто отвращение, неприязнь и даже крошечную, интригующую долю чувства вины.

Ему нестерпимо хотелось доставить этому раздражающему типу каких-нибудь неприятностей.

Сэмуэл встряхнул испачканные брызгами бумаги. Чернила, которые он долго выводил и которые еще не успели полностью высохнуть, от неожиданных капель воды расплылись, и на пергаменте образовалась дыра.

Он глубоко вздохнул, изо всех сил подавляя желание сделать себе укол Ингибитора, чтобы хоть на время оградить себя от этого типа, и в его прекрасных фиолетовых глазах сверкнул холод:

— Чего тебе надо?

Отто оказался застигнут врасплох этим вопросом. Высокомерный принц-русалка на мгновение замер, а затем огрызнулся:

— Тебе-то какое дело до того, что я делаю!

Сэмуэл переписывал и правил этот документ почти целый день, и стоило ему только собраться отложить перо, как Отто все испортил своей дурацкой выходкой. Вспыхнув от гнева, он произнес:

— Ты можешь вести себя хоть немного спокойнее?!

Едва слова сорвались с его губ, как мощная струя воды хлынула прямо ему на голову. Сэмуэл промок до нитки, и его аккуратно уложенные волосы прилип к половине лица.

— Кхе… кхе… — он поперхнулся водой, смахнул челку с глаз и недобро уставился на Отто, но обнаружил, что тот выглядит так, будто собирается рассмеяться — уголки его губ изогнулись в улыбке, точно у ребенка, чья шалость удалась.

Да что с ним не так… — подумал Сэмуэл, чувствуя себя донелепо, словно Уильям, заигрывающий с приглянувшимся омегой. Не желая уступать, он выпустил лавандовый Феромон, и тот сплошным потоком устремился на Отто.

Отто отразил атаку водяной завесой, и фиолетовые иглы лаванды, врезавшись в струящийся прозрачный экран, испарились, обратившись в клубы фиолетового тумана. Отто выглядел невероятно самодовольным:

— Ты надеешься разыграть свои дешевые трюки с помощью этой жалкой силы?

Лавандовые иглы были самым отточенным и любимым боевым приемом Сэмуэла — на полях сражений он не раз превращал ими бесчисленных врагов в решето, а эта русалка посмела так его недооценивать!

http://bllate.org/book/33298/4088739